

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА В ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Л. Г. Бондарчук

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии французского языка
Минский государственный лингвистический университет

В языковой реальности XXI века перестал действовать закон литературоцентричности языковой нормы, наступила эпоха языковой демократизации. Коммуникативные технологии позволяют современной языковой личности обеспечивать некодифицированным, креативным единицам (в структурном и содержательном планах) высокие статистические показатели, социальную значимость, опирающиеся на огромные дискурсивные массивы. В статье делается попытка, оттолкнувшись от традиционных пониманий лингвистической нормы, определить подходы к формированию дискурсивной языковой нормы, ее характеристики, функции, источники в русском и французском языках.

Ключевые слова: дискурсивная парадигма, языковая норма; кодифицирование, коммуникативные технологии, отклонение, узус, лингвистический эгоцентризм.

Введение

Понятие «норма» в современной жизни вызывает чаще всего настороженное, если не негативное отношение, поскольку предполагает подчинение правилам, определенным вербальным стандартам со стороны представителей цифровой эпохи, которые в поисках оригинальности, известности, комфорта стремятся изменять или нарушать любые предписания, для чего XXI век предоставил массу возможностей. Номо mobiles располагает новыми способами и возможностями общения, где нет контроля, позволены любые отступления от правил, где ценится быстрота, языковая экономия, оригинальность. Вместе с тем язык выполняет свою самую главную функцию: объединение всех представителей определенного национального сообщества. Адекватное декодирование смыслов, передаваемых языковыми средствами, обеспечивается функционированием лингвистической нормы, которая одновременно является статичной и динамичной, консервативной и гибкой, что позволяет сохранить национальный языковой континуум, приспособиться к вызовам каждой исторической эпохи.

Наступление бума коммуникативных технологий позволило огромному количеству сетевых пользователей проводить эксперименты с лингвистическими единицами всех языковых уровней по отклонению от традиционной нормы, ориентируемой на литературный язык и авторитетных носителей данного языка; обеспечивать некодифицированным, креативным формам высокие статистические показатели и социальную значимость, что, естественно, стимулировало поиски новых пониманий процесса кодификации и самой нормы с учетом уже антропологической, коммуникативной и дискурсивной парадигм современного языкознания. В данном контексте актуальность и новизна нашей статьи заключается в попытке связать дискурсивные тенденции в функционировании отдельных грамматических и лексических феноменов в русском и французском языках с необходимостью выработать дискурсивную языковую норму, действующую в больших текстовых объемах и порождающую новые варианты, отдельные из которых могут «претендовать» на кодификацию при наличии условий, характеристик, которые еще нужно выявить.

Цель данного исследования: оттолкнувшись от теории языковой нормы, сформированной в доцифровой период, от уже зафиксированных фактов дискурсивной ориентации лексических и грамматических феноменов в русском и французском языках, выявить возможные подходы, характеристики, проблемы, связанные с попытками установления дискурсивной нормы, необходимой для успешной реализации коммуникативно-прагматических установок субъектов современной коммуникации, что, по нашему мнению, отвечает важным для настоящего состояния языкознания теоретическим и практическим вызовам.

Основная часть

Идентифицировать элементы актуальных тенденций в лингвистике, так же как и в любой отрасли знания, невозможно без учета уже предшествующего опыта, что предполагает краткий обзор этапов развития языковой нор-

мы в русском и французском языкознании с фиксацией возникающих вопросов и проблем.

Современная теория лингвистической нормы начала формироваться с осмысления категории «система» в рамках концепции Ф. де Соссюра, где система понимается как совокупность звуковых различий, связанная с совокупностью понятийных различий. До наступления эпохи коммуникативных технологий были разработаны различные определения нормы, которые основывались на разнородных критериях, их разнообразных сочетаниях, основные из которых можно представить следующим образом.

1) Общеупотребительность языковых единиц, которые прошли кодификацию. «То, что является общеупотребительным, то и составляет норму языка» [1, с. 19].

2) Равновесие внешних и внутренних факторов [2, с. 174].

3) Социальная обусловленность, детерминированность речевой практикой и системными закономерностями, эволюционность, типичность [3, с. 44, 46].

4) Включение в норму не только языковых, но и речевых вариантов [4].

5) Историзм как предпочтение одного из функциональных, парадигматических и синтагматических вариантов языкового знака [5].

6) Литературоцентричность [6, с. 77].

В указанный выше период были также сформулированы такие свойства языковой нормы, как устойчивость, обусловленная необходимостью сохранения языкового национального континуума; общепринятость и обязательность; вариативность как результат взаимодействия с узусом, что позволило говорить о гибкости нормы, ее динамичности; селективность, проявляющаяся в отборе из многих языковых форм и источников; адаптивность как способность реагировать на внешние факторы. В это же время идеальной реализацией нормы считался литературный язык. К источникам языковой нормы относили узус, из которого лингвисты выбирали наиболее общеупотребительные языковые формы, опираясь на собственную лингвистическую интуицию [7, с. 36].

Под «натиском» многочисленных отступлений от традиционного понимания нормы русские и французские лингвисты начали разрабатывать концепцию множественности нормы, которая формируется в результате взаимодействия как внутренних, так и внешних факторов, чаще всего социального характера [8]. В рамках данного подхода российские

специалисты дифференцируют следующие типы норм: 1) системные (структурно-языковые, системно-языковые); 2) стилистические нормы (текстовые, жанровые, функционально-стилевые); 3) коммуникативные нормы (ситуативные, коммуникативно-прагматические); 4) риторические нормы (которые достигаются даже отступлением от иных типов норм – системной и стилистической); 5) вертикальные нормы (обеспечивающие единство стиля, жанра, идиостиля на всех языковых уровнях) [9, с. 6]. Из вышеперечисленных типов выделяем коммуникативную и риторическую нормы, которые наиболее подвижны, выделяются с учетом многообразных запросов современной коммуникации и которые реализуются в объемах, превосходящих предложение, т.е. в дискурсивном массиве.

Французские лингвисты предложили свою типологию норм: 1) объективные, основанные на частотности употребления, отражающие общие языковые привычки, лежащие в основе вербального поведения определенного этноса; 2) описательные или декларативные нормы, имеющие объективный характер, но несколько фиксируют языковые факты, но не устанавливают их иерархии; 3) предписывающие нормы или нормативные правила, представляемые как идеальная модель, которой нужно следовать; 4) субъективные или оценочные нормы, суть которых обусловлена факторами аффективного, морально-эстетического порядка; 5) фантазийные нормы индивидуального или коллективного уровня, в которых сочетаются характеристики предыдущих четырех форм [10]. Общим для двух приведенных классификаций является факт выделения норм, в которых сочетаются языковой стандарт и факторы лингвистического эгоцентризма, «работающие» в дискурсивном пространстве, а именно: вертикальная норма в работах российских ученых и субъективная норма, по мнению французских исследователей.

Социолингвистический и дискурсивный поворот подходов к кодификации и норме как ее результате отмечается в представлении функций нормирования и характеристик самой нормы. Так, при кодификации предполагается реализация следующих функций: 1) определение современного состояния языка; 2) селекция вариантов; 3) содействие в соответствии с общественным заказом реализации потенциала; 4) предупреждение ошибок и функционально неблагоприятных изменений в системе языка. В соответствии с выполня-

емыми функциями русские исследователи выделяют кодификацию описательную, прескриптивную и наставительно-рекомендательную [9, с. 133-134]. Разработаны также критерии для установления кодифицированной нормы: 1) соответствие внутреннему языковому закону; 2) соответствие культурно-исторической традиции; 3) распространенность варианта и статистика нормы; 4) общественное одобрение и признание социумом варианта нормативным, из которых первый критерий признается основополагающим [11, с. 41]. Отмечаем синергию факторов, задаваемых как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими, эгоцентричными факторами, которые, безусловно, реализуются только в дискурсе.

Погружение языковых единиц в контекст, формирование в языкознании дискурсивной парадигмы способствуют открытию дискурсивных характеристик языковых единиц всех уровней, которые не всегда укладываются в предписания нормы, сформулированной в пределах сравнительно-исторической, системно-структурной парадигм. В XXI веке языковая личность не довольствуется имеющимися в ее распоряжении кодифицированными ресурсами для реализации личностно ориентированных коммуникативных и прагматических установок, что порождает рост различных девиаций, индивидуального и общего порядка. Лексические отклонения от нормы очень активно используются в новой лексикографической практике. В России и во Франции появилось большое количество словарей социопсихологической, эгоцентрической ориентации, особое внимание уделяется языку субстандартов. Кроме того, общим моментом для современной коммуникации на русском и французском языках является включение грамматических отклонений, присущих устной речи, в письменную, ранее строго кодифицированную речь. В первую очередь отмечаются усечения, редукции языковых форм, что объясняется стремлением коммуникантов сообщить как можно больше информации с минимальным объемом языковых средств. В качестве примера из русского языка можно привести «Словарь редуцированных форм русской речи» Д. А. Стойка, в котором находим отличные от нормы, но всем известные усеченные слова: *здрасте*, *скоко*, *тыща* и др. [12]. Во французском языке данную тенденцию иллюстрируют *ch'te l'donne* вместо *je te le donne* 'я тебе это даю'; *c'est ça quoi* 'что это?'; *у а* вместо *il y a* 'имеется' [13].

В обоих языках развиваются дискурсивные теории персонального, пространственного, временного дейксиса; функционирование и референция анафоры рассматриваются с позиций вертикального контекста, т.е. в рамках дискурсологии. Так, во французском языке проведено исследование клише *bon, ben, voilà, enfin, alors, quoi, là, je veux dire, tu sais, tu vois*, реализующих различные значения, обусловленные дискурсивными факторами [14]. Полученные результаты фиксируются в дискурсивных грамматиках как русского, так и французского языков. Совершенно очевидно, что пока идет активное накопление языковых фактов, для выявления которых требуется анализ огромных текстовых массивов.

Заключение

Как видим, современное языкознание обладает следующими исходными позициями для нового витка в определении языковой нормы дискурсивного периода: 1) потребность адаптировать лингвистическую норму к новой языковой реальности без утраты особенностей национального языкового континуума; 2) наличие дискурсивной нормы необходимо для актуализации лексикографических практик, а также грамматики, потребность в которой ощущают преподаватели как родного, так и иностранного языка. В этой связи основная проблема заключается в возможности/невозможности использовать подходы и критерии, разработанные ранее, и/или предложить новые позиции.

Полагаем, что целесообразно сохранить все свойства языковой нормы, описанные до цифровой эпохи, но добавить дискурсивную интерпретацию почти всех из них. Например, установить показатели устойчивости кодифицированных единиц в дискурсивных массивах, рассчитать объективный предел гибкости, адаптивности дискурсивной нормы. Полагаем, что решение данных вопросов возможно с использованием возможностей искусственного интеллекта, способного обрабатывать любые дискурсивные объемы.

В отношении функций языкового стандарта, с нашей точки зрения, актуальными остаются следующие: определение современного состояния языка; селекция вариантов; содействие в соответствии с общественным заказом реализации потенциала. Что касается функции, связанной с предупреждением ошибок и функционально неблагоприятных изменений в системе языка, то на данный мо-

мент еще не ясно, каких именно ошибок надо избегать в условиях множественности норм, их гипергибкости и общей тенденции к демократизации языка.

Часть разработанных в доцифровой период критериев кодификации носит несколько абстрактный характер, в частности требование соответствия внутреннему языковому закону и культурно-исторической традиции, поскольку внутренние языковые законы отражают отношения между элементами системы, зафиксированные в определенную эпоху, а соответствие культурно-исторической традиции трудно однозначно установить в современных мультинациональных обществах. Напомним мысль Ф. де Соссюра о том, что, языковые факты как элементы системы взаимно определяют друг друга, системные отношения характеризуют только синхроническую лингвистику, поэтому не может быть системы, охватывающей одновременно несколько периодов [15]. Предполагаем, что при появлении новых языковых фактов в какой-то степени меняются системные отношения за исключением законов, сохраняющих устойчивость национального языкового пространства. В отличие от рассмотренных выше критериев требование распространенности варианта и статистика нормы необходимы и легко обеспечиваются компьютерными технологиями, возможностями корпусной лингвистики, хотя возникает вопрос о пороге нормы, который еще предстоит разрабатывать. Общественное одобрение и признание варианта нормативным, с точки зрения большинства носителей языка, с одной стороны, технически могут быть обеспечены; с другой стороны, есть вероятность нарушения уже установившихся тенденций индивидуальной языковой креативности.

Требуется также разрешения вопрос об источнике нормы: ранее таковым считался язык авторитетных членов общества или просто узус. Сегодня в данной роли по общему признанию специалистов выступает язык медийных СМИ, что, по нашему мнению, сужает базу лингвистических данных. При таком подходе из великого лингвистического многообразия будут исключены многие уже созданные языковые корпуса субстандартов, отражающие различные стороны современного языкового ландшафта, например, «Le Corpus du Français Parlé Parisien des années 2000» 'Корпус разговорного языка парижан 2000 годов' [16].

Полагаем, что в определении дискурсивной нормы нужно исходить из следующих

позиций: 1) объективность, обеспеченная современными техническими возможностями, в противовес субъективности на основе лингвистической интуиции конкретных специалистов, занимавшихся кодификацией; 2) высшая частотность языкового феномена как в современных типах коммуникации, так и в литературе; 3) охват и анализ всех дискурсивных значений, способов функционирования языковых единиц; 4) установление баланса между ранее выделенными и новыми дискурсивными характеристиками языковых единиц. Безусловно, предложенные подходы предполагают дискуссию, нуждаются в дополнительных подтверждениях, которые могут быть получены в результате исследований значительного корпуса эмпирических данных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Истрина, И. С.* Нормы русского литературного языка культура речи / И. С. Истрина. – М.; Л.: АН СССР, 1948. – 32 с.
2. *Косериу, Э.* Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – С. 143–309.
3. *Горбачевич, К. С.* Вариантность слова и языковая норма / К. С. Горбачевич. – Л.: Наука, 1978. – 234 с.
4. *Розенталь, Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/linguistics_roenthal/%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0. – Дата доступа: 15.08.2023.
5. *Жеребило, Т. В.* Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд. испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/>. – Дата доступа: 09.08.2023.
6. *Богданова-Бегларян, Н. В.* Орфоэпические нормы не догма, а живая система / Н. В. Богданова, Д. А. Стойка // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады / под ред. Т. В. Черниговской. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. – С. 77–96.
7. *Петрищева, Е. Ф.* К вопросу о критериях нормативности / Е. Ф. Петрищева // Вопросы культуры речи. – М.: Наука, 1967. – Вып. 8. – С. 36–43.
8. *Klinkenberg, J.-M.* Normes linguistiques, normes sociales, endogenèse / J.-M. Klinkenberg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://>

- books.openedition.org/enseditions/30803/. – Дата доступа: 12.05.2023.
9. **Брусенская, Л. А.** Этико-речевые нормы современного русского языка : монография / Л. А. Брусенская, В. В. Барабаш, Э. Г. Куликова. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2023. – 164 с.
10. **Xiaodong, Y.** Les Types De Normes / Y. Xiaodong [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arlap.hypotheses.org/6761/>. – Дата доступа: 11.07.2023.
11. **Каленчук, М. Л.** Нормы произношения глазами лексикографа / М. Л. Каленчук // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады / под ред. Т. В. Черниговской. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. – С. 41–53.
12. **Стойка, Д. А.** Словарь редуцированных форм русской речи / Д. А. Стойка. – М. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – 112 с.
13. **Weber, C.** Grammaire de l'écrit grammairiale de l'oral, quelles contextualisations? / C. Weber [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hal.science/hal-03145898/document>. – Дата доступа: 24.08.2023.
14. **Teston-Bonnard, S.** Étude des particules discursives dans des situations de parole particulière: les scénarios et leurs oralisations par les acteurs / S. Teston-Bonnard. – Paris : Institut de Linguistique Française, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.linguistiquefrancaise.org/articles/cmlf/pdf/2010/01/cmlf2010_000108.pdf. – Дата доступа: 11.08.2023.
15. Понятие системы и структуры языка в лингвистической концепции Ф. де Соссюра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/1_46005_ponyatie-sistemi-i-strukturizyazika-v-lingvisticheskoy-kontseptsii-f-de-sossyura.html. – Дата доступа: 07.08.2023.
16. Corpus de Français Parlé Parisien des années 2000 (CFPP) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cococon.huma-num.fr/exist/crdo/meta/cococon-8bc96a4e-9899-30e4-99bec72d216eb38b>. – Дата доступа: 03.09.2023.

Поступила в редакцию 20.02.2024 г.

Контакты: lorabond@mail.ru (Бондарчук Лариса Григорьевна)

Bondarchuk L. G. THE LINGUISTIC NORM IN THE DISCURSIVE PARADIGM

In the linguistic reality of the XXI century, the law of literary centrality of the linguistic norm has ceased to operate, the era of linguistic democratization has come. Communicative technologies allow a modern linguistic personality to provide uncodified, creative units (in structural and substantive terms) with high statistical indicators, social significance, based on huge discursive arrays. The article attempts, starting from traditional understandings of linguistic norms, to determine approaches to the formation of a discursive linguistic norm, its characteristics, functions, sources in Russian and French.

Keywords: discursive paradigm, linguistic norm, codification, communication technologies, deviation, usage, linguistic egocentrism.